

Инь Шоу просидел на Лутае до самой темноты. Он пил, пока не забылся тяжелым сном, а когда очнулся — вокруг царил разгром: пустые кубки, объедки на блюдах, а рядом, свернувшись калачиком, спала Дацзи. У подножия помоста вповалку лежали танцовщицы и коварные льстецы. Зал был залит ярким светом факелов — точь-в-точь как в тот миг, когда он только очутился в этом мире.

Потирая гудящую голову, Инь Шоу осторожно отстранил Дацзи, поднялся и вышел из зала.

Ночь полнолуния. В чистом небе, точно холодный жемчуг, сиял серебряный диск. Инь Шоу подошел к перилам и замер, глядя вдаль. Внизу, под башней Лутай, застыла стража — во мраке их силуэты походили на жутких призраков. Чаогэ вдаль погрузился в тишину; редкие огоньки города казались жалкими искрами по сравнению с ослепительным сиянием современных мегаполисов.

Поднялся ночной ветер, и Инь Шоу передернуло от холода.

В этот миг в пустой зале над телом Дацзи поднялась струйка лазурного дыма. Явился девятихвостый белый лис. Окинув взглядом спящих, он не нашел среди них Чжоу-вана.

Инь Шоу всё еще стоял на террасе, всматриваясь в ночную мглу. Вдруг из глубин Тайханских гор донесся волчий вой — пронзительный, леденящий душу. Казалось, зверь был совсем рядом. Он вздрогнул. Горы жили своей жизнью: крики птиц и вопли обезьян в темноте звучали почти по-человечески, заставляя волосы на затылке шевелиться.

А за его спиной, на самой вершине величественной крыши дворца, замер девятихвостый лис. Он смотрел на луну, погруженный в свои думы.

Здесь было место сосредоточения великой силы, пропитанное духовной энергией. В каждую ночь полнолуния Синьюэ Ху не мог удерживаться в теле Дацзи; ему приходилось принимать истинный облик, чтобы восполнять силы, впитывая эссенцию неба и земли.

Промозглый туман начал сгущаться, и Инь Шоу, продрогнув до костей, поспешил вернуться в залу. Дацзи и остальные всё еще спали прямо на полу. Он посмотрел на свою фаворитку и подумал, что негоже ей, любимице Чжоу-вана, простужаться в этом сквозняке.

Он подошел ближе, невольно скользнув взглядом по её бедрам — не выбился ли где лисий хвост? Постояв так мгновение, он тряхнул головой. «Совсем с ума сошел. Она ведь обычный человек, откуда там хвост?» Инь Шоу попытался поднять её, но Дацзи оказалась неожиданно тяжелой.

В могучем теле Чжоу-вана сейчас теплилась слабая душа книжного червя, и сил, которые достались ему в наследство, он просто не умел применять. Покряхтев, он сдался и решил позвать слуг: пусть они тащат её, а он побережет спину.

Дождавшись дворцовых евнухов, он велел отнести Дацзи в покои, а остальных — растолкать и разогнать по кроватям.

Лутай хоть и строилась как обитель небожителей, служила Инь Шоу загородной резиденцией, и жилых комнат здесь хватало. Обычно Чжоу-ван и Дацзи спали вместе, в отличие от столицы, где у каждого были свои покои. Но он так вымотался, что, добравшись до спальни, где Дацзи уже мирно сопела на кровати, он просто не нашел в себе сил лечь рядом.

Чувствуя непреодолимую неловкость, он присмотрел небольшую кушетку в углу и примостился на ней.

Перед самым рассветом Синьюэ Ху вернулся. Он замер в изумлении, увидев, что Чжоу-ван спит на кушетке, а не в объятиях наложницы. Приняв человеческий облик, лис бесшумно подошел к нему. Этот человек стал странным. Словно подменили. К Дацзи холоден, в забавах не знает прежней радости. Постоянно о чем-то размышляет... Что же у него на уме?

Инь Шоу во сне заворочался, что-то невнятно пробормотал, а затем позвал:

— Маньмань...

И вдруг глупо, по-детски заулыбался. Синьюэ Ху, пораженный, наклонился ниже, пытаясь расслышать слова, как вдруг Инь Шоу схватил его за руку. Прижав ладонь лиса к щеке, он нежно потерся о неё, лепеча:

— Маньмань, хороший мой, маленький...

Маньмань — пушистая, круглая панда из его прошлой жизни, которую он обожал всем сердцем. Инь Шоу грезилось, что он гладит его мягкую голову, и душу его заливал свет.

Синьюэ Ху от неожиданности вскинул бровь. Убедившись, что ван не проснулся, он немного успокоился. Но в голове засел вопрос: «Маньмань? Кто это еще такой? Неужели новая пассия? Но я ведь слежу за ним день и ночь, никаких новых фаворитов во дворце не было».

Недоумевая, лис холодно высвободил руку, обернулся лазурным дымом и скользнул в тело спящей Дацзи. В этот момент Инь Шоу очнулся. Он открыл глаза и в предрассветных сумерках успел заметить стройный мужской силуэт, который растаял в мгновение ока. Он приподнялся, протирая глаза. Неужели приснилось?

В этот момент Дацзи зашевелилась на кровати.

— Великий Ван... — томно позвала она.

При звуке её голоса всё очарование момента мигом улетучилось. Инь Шоу встал и подошел к ней. Дацзи сидела, заспанная и взлохмаченная. Ему пришлось нацепить маску заботы:

— Любимая наложница, ты проснулась? Ночью было прохладно, не схватила ли ты озноб?

Дацзи зевнула, потянула его за руку, заставляя сесть рядом, и прильнула к его плечу.

— Почему Великий Ван не лёг в постель со мной? — промурлыкала она.

Инь Шоу сдержался, чтобы не отшатнуться, и выдал первую попавшуюся ложь:

— Я слишком много выпил. Боялся потревожить твой сон перегаром.

— От меня ведь тоже разит, — капризно надулась Дацзи. — Или Великий Ван начал брезговать мной? Не хочет касаться?

Инь Шоу принялся. Смесь густых благовоний и винного перегара и впрямь была сомнительной.

— Иди-ка лучше умойся, — мягко сказал он. — Нам пора возвращаться во дворец.

Дацзи выпрямилась и пристально посмотрела на него. Её взгляд был чистым, почти детским, и Инь Шоу против воли почувствовал, как сердце предательски екнуло.

«Великий Ван...» — Синьюэ Ху решил пойти до конца и пустил в ход Технику очарования. Инь Шоу смотрел, как её лицо, прекраснее которого не было на свете, медленно приближается. Он хотел отстраниться, но тело словно оцепенело. Внутри всё кричало: «Нет!», но мышцы не слушались. Когда её нежные губы почти коснулись его, Инь Шоу внезапно зажмурился. «Ладно, — подумал он обреченно, — представлю, что меня лижет собака».

Дацзи внимательно следила за его реакцией. И была потрясена. Тело Чжоу-вана было напряжено как струна, но — никакой отдачи! Раньше бы он уже набросился на неё. Что происходит?

Она просунула руку ему под одежду. Инь Шоу не выдержал и перехватил её запястье. Дацзи замерла, ожидая страсти, но он лишь дрожащим голосом прошептал:

— Любимая наложница... ну хватит, довольно...

Как?! Техника очарования не сработала? Лис в облике Дацзи во все глаза смотрел на него. Любой мужчина бы уже потерял голову от такого зрелища. Но Инь Шоу не мог. Он был

порядочным парнем из двадцать первого века, с высшим образованием и строгим воспитанием. Он знал границы. Он не был Чжоу-ваном; он лишь занял его оболочку, и мысль о близости с женщиной другого мужчины вызывала у него почти физическое отвращение. К тому же... женщины его в принципе не интересовали.

Похоже, он её разочарует.

Вспоминая, сколько кровавых преступлений совершила Дацзи, одурманив настоящего Чжоу-вана, Инь Шоу убеждал себя, что его холодность — это лишь способ минимизировать ущерб. Раз уж он не может спасти империю, то хотя бы собственное тело уберезет от греха.

Видя, что Чжоу-ван непоколебим, Дацзи разочарованно отстранилась. Но любопытство взяло верх, и она спросила:

— А кто такой Маньмань?

Инь Шоу вздрогнул. Видимо, всё-таки болтал во сне.

— Маньмань — это большая панда.

— Панда? — Дацзи опешила. — Где ты видел панд? Почему я не знаю?

«В зоопарке двадцать первого века, — подумал он. — Откуда тебе знать».

Вспомнив годовалую Маньмань — круглую, неуклюжую и невероятно ласковую, — Инь Шоу невольно смягчился. Голос его стал теплым:

— Давно это было. Теперь его уже не встретить.

— А... — Дацзи задумалась. Панды она не видела, но знала медведей и кошек. Наверное, какая-то их помесь. Поняв, что Маньмань — не человек, она успокоилась. Наверное, какой-то старый питомец Чжоу-вана, который сдох, а тот никак не может его позабыть.

Инь Шоу, не подозревая, что Дацзи только что «похоронила» его любимицу, воспользовался моментом и встал, поспешно выбираясь из этой ловушки. Сердце колотилось в груди. Он не понимал: то ли это нервы, то ли магия лисицы всё же подействовала.

В любом случае — пронесло. Чуть не вляпался.

Для него, человека сохранившего внутреннюю чистоту, подобное было бы тяжелейшим ударом. Сегодня он отбил, но что дальше? Дацзи явно не намерена отступать. Удастся ли ему

сохранить свою честь?

Эх... Слабый, незащищенный, несчастный. Его буквально трясло.

Дацзи велела подавать воду для омовения. Инь Шоу решил, что вымоется уже в столице. Сейчас любая попытка снять одежду казалась ему смертельно опасным маневром.

Обратный путь прошел в молчании, прерываемом лишь скрипом колес.

Они сидели в тесной карете, плечом к плечу. Инь Шоу замер, боясь шевельнуться, ожидая от Дацзи любого подвоха. В голову пришла шальная мысль: а не сослать ли её сразу в Холодный дворец? Но повода не было. Он здесь всего два дня, и Дацзи вела себя смирно, если не считать попыток его соблазнить. Нельзя же просто так разогнать гарем предшественника?

Тяжело быть королем, у которого власть вроде бы есть, а сделать ничего нельзя. Как марионетка. Да и откуда у обычного человека взяться стальной воле тирана? Впрочем, государству всё равно скоро конец, так что воля не понадобится.

Нужно просто тихо дожить до того дня, когда войска Цзи Фа ворвутся в столицу. А потом подняться на Лутай и поджечь её. План уже созрел, дорогу он запомнил.

— Великий Ван... — Дацзи снова не выдержала тишины. — О чем ты думаешь? Почему молчишь?

— Ни о чем, — отозвался Инь Шоу, не глядя на неё. — Просто устал. Не хочется говорить.

— Ты изменился... — тихо проворчала Дацзи. — Раньше ты без умолку шутил и смеялся, а теперь словно в рот воды набрал. Что с тобой, Великий Ван?

«Великий Ван умер. Можешь помянуть», — мрачно подумал Инь Шоу.

<http://bllate.org/book/17393/1653315>